
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₁₈₎

ВЕСНА — ЛЕТО
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов. Тангутский документ инв. № 6164 из коллекции ИВР РАН 5
- Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV. Перевод с маньчжурского языка Л.В. Тюрюминой, под редакцией и с предисловием Т.А. Пан Имру' аль-Кайс. Му'аллака. Перевод с арабского и комментарий Ф.О. Нофала 9 24
- Имруулькайс. Муаллака. Литературный перевод с арабского языка А.А. Долининой, предисловие Вал.В. Полосина 33
- Сутра Махаяны, именуемая «Наставление [касательно] предсказания, [данного царю] Аджитасене». Предисловие и перевод с санскрита М.И. Воробьевой-Десятковской, С.Х. Шомахмадова 39
- «Повесть о земле Бали» — «искусственная» хроника начала XIX в. Перевод с малайского языка и вступительная статья Л.В. Горяевой 51
- «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле»). Предисловие, транслитерация, перевод с санскрита и комментарии С.Л. Бурмистрова 65

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев. Новый Завет в коптском «Апокалипсисе Петра» (*Nag Hammadi Codex* VII. 3: 70.13–84.14) 79
- Ю.А. Иоаннесян. Некоторые аспекты «возвращения», или «второго пришествия» в религиозных учениях 83
- И.А. Алимов. Заметки о сяошо: «Юй линь» 99
- Н.С. Яхонтова. Санскритско-тибетско-монгольские параллели: эпитеты рек 109
- Р.Ю. Почекаев. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» 123
- И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов позднешумерского периода) 138

<i>И.С. Гуревич.</i> Грамматическая стилистика буддийских текстов: синтаксические ресурсы (связка 是; анафора и эпифора)	149
<i>Д.В. Цолин.</i> Перифрастические формы императива и юссива в арамейском языке таргумов	159

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>М.А. Гизбулаев.</i> Сира в арабской литературе Дагестана. Арабская рукопись XVIII в. «Васаил ал-лабиб 'ала фадаил ал-хабиб»	170
<i>С.М. Якерсон.</i> Карасубазарский кодекс «Поздних Пророков» в собрании ИВР РАН (D 62). Заметки к его истории, локализации и датировке	176
<i>О.В. Дьякова, А.Л. Ивлиев.</i> Первый эпитафический памятник мохэской культуры (некрополь Монастырка-3)	190
<i>Мунхцэцэг Энхбат.</i> Маньчжурская «парная надпись» из коллекции Национальной библиотеки Монголии	198

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>В.Ф. Минорский.</i> Курды — потомки мидян. Публикация, предисловие и комментарии <i>З.А. Юсуповой</i>	206
<i>С.И. Марахонова.</i> Институт Гарвард-Яньцзинь и образовательная политика США в Азии в 1930–1950-е годы (по источникам архивов Кембриджа, США)	212
<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Анонимный перевод первой главы трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» из Архива востоковедов ИВР РАН	223
<i>С.С. Сабружова.</i> Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А.М. Позднеева	236
<i>М.В. Фионин.</i> Греческая рукопись D-227 из собрания ИВР РАН (археографический анализ)	242
<i>Морисита Нобуко.</i> Практические сведения для поиска арабских и персидских рукописей в разных странах (на англ. яз.)	247
<i>Е.В. Гусарова.</i> Вячеслав Михайлович Платонов (1941–2012) — исследователь эфиопских рукописей	258

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Зорин.</i> Первые петербургские тибетологические чтения	274
<i>В.В. Щеткин.</i> «Невские чтения»: международный симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н.А. Невского	276
<i>А.В. Зорин.</i> V Международный семинар по тибетологии в Пекине	278
<i>Т.В. Ермакова.</i> Шестые всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	282
<i>С.Ю. Рыженков.</i> Четвертая международная конференция «Культура Семи мудрецов из бамбуковой рощи» 第四届“竹林七賢文化”國際學術研討會. КНР, Юньтайшань 雲台山 (24–25 ноября 2012 г.)	286
<i>Т.А. Пан.</i> Немецко-русская рабочая конференция по изучению Центральной Азии, 14–15 марта 2013 г., Берлин (Германия)	289

На четвертой сторонке обложки:

Еврейская библия из коллекции ИВР РАН, шифр D-62

Над номером работали:

Г.О. Ковтунович
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
А.Е. Танчарова
Е.А. Проница

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. 1: Сборник статей и интервью. — М., ГМВ, 2012. — 224 с., илл. (<i>И.В. Кульганек</i>)	291
<i>Т.Г. Скороходова.</i> Бенгальское Возрождение: Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философии Нового времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. — 320 с. (<i>С.Л. Бурмистров</i>)	293
<i>С.Ф. Ольденбург.</i> Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. — М.: РГГУ, 2012. — 478 с. (<i>Е.П. Островская</i>)	297

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2013
© Институт восточных рукописей РАН, 2013

Евгений Иванович Кычанов (1932–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	303
Евгений Александрович Серебряков (1928–2013) (<i>Д.И. Майцкий</i>)	307

практиках. Выступление против кастовой системы и гендерного неравенства (с. 225) в общем контексте мировоззрения представителей Индийского Возрождения было вполне естественным, ибо ими двигало стремление развенчать сложившиеся в древности и только мешающие развитию общества нормы поведения, причем здесь они находили известную поддержку в самих же древних текстах: в упанишадах неоднократно встречается мысль, что истинный брахман — не тот, кому повезло родиться в семье, принадлежащей к этой варне, а тот, кто познал Атман и осуществил высшую религиозную цель, провозглашаемую упанишадами, — освобождение от уз сансары; человек же, принадлежащий формально к варне брахманов, но не познавший Атман и не сведущий в *шрути*, должен считаться шудрой независимо от его происхождения. Иными словами, в упанишадах прямо провозглашается мысль, что подлинная суть варновой системы связана с личными качествами человека, а не с его социальным статусом. Привычные же формы социальной жизни, сложившиеся в Индии в древности и ставящие личное достоинство человека в зависимость от его происхождения, как говорил Вивекананда, только превращают людей в «бездушные машины», убивают всякую духовную активность и служат причиной социального упадка (с. 226).

Как видим, Т.Г. Скороходова в своей книге рисует масштабную панораму интеллектуальной жизни Индии (и прежде всего Бенгалии) в конце XVIII и XIX вв. — от Раммохана Рая до Свами Вивекананды, — показывая, как эволюционировала индийская культура и, главное, как и по каким причинам изменялось на протяжении этого времени ее представление о самой себе. Особенно следует отметить, что исследование этого вопроса ведется с единой методологической позиции (схема «Вызов-и-Ответ» А. Тойнби), которая, естественно, имеет и свои неизбежные ограничения. Кто-то, конечно, мог бы поставить в упрек автору, что в книге не рассмотрено влияние экономических факторов на интеллектуальную жизнь страны, не анализируется сугубо политический контекст, в котором приходилось действовать индийским интеллектуалам. Однако такой упрек был бы, на мой взгляд, несправедлив, так как все эти факторы, при всей их безусловной важности, выходят за рамки заявленного в начале книги методологического подхода и попытка вклю-

чить в рассмотрение еще и их привела бы к нарушению методологической строгости рассуждения. В фокусе внимания — культура, поэтому, когда речь идет об интеркультурных контактах, другие факторы, при всем их значении, приходится до известной степени «выносить за скобки».

Естественно, кроме того, что, когда рисуешь столь широкую панораму культуры, неизбежно теряются какие-то детали и тонкости концепций, развивавшихся в этой культуре, но и это, в общем, не составляет проблемы: в отечественной литературе есть хорошие исследования взглядов Дайянанды, Вивекананды, Рабиндраната Тагора, и только, пожалуй, Раммохан Рай не получил в отечественной индологии того внимания, которого заслуживает. Однако и этот пробел Т.Г. Скороходова заполняет — только в другой своей книге: «Раммохан Рай, родоначальник Бенгальского Возрождения (опыт аналитической биографии)» (СПб.: Алетей, 2008). Представленную же книгу можно без особого преувеличения назвать новаторским трудом, в котором раскрываются оставшиеся без должного внимания явления индийской культуры Нового времени.

С.Л. Бурмистров

Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., автор предисл. и коммент. А.А. Вигасин. — М.: РГГУ, 2012. — 478 с.

Сборник «Этюды о людях науки» выпущен в свет Российским государственным гуманитарным университетом в преддверии знаменательной даты — 150-летия со дня рождения акад. С.Ф. Ольденбурга (1863–1934). Книга суммирует в своем составе его эссеистическое наследие, раскрывающее страницы истории научной мысли XIX — первой трети XX в. в лицах ее творцов.

Идея составления подобного сборника высказывалась и в прежние годы в кругах ученых-востоковедов. Очерки С.Ф. Ольденбурга о персоналиях российской и зарубежной науки, по преимуществу науки о Востоке, публиковались при жизни автора в различных изданиях, доступных ныне лишь в читальных залах крупнейших библиотек страны. Познавательная ценность этих эссеистических произведений не утратилась с ходом времени.

А главное — в них сохранилась живая ткань собственной научной мысли С.Ф. Ольденбурга, выдающегося организатора российской академической науки, классика отечественной буддологической школы и русской востоковедной школы в археологии. Необходимость предоставить современному читателю всю совокупность его персоналогических очерков в виде единой книги давно назрела. И это как нельзя более актуально теперь, когда в российском востоковедении возрождаются классические традиции.

Сборник «Этюды о людях науки» составлен высокоэрудированным историком-инданистом А.А. Вигасиным в качестве научного издания, содержащего не только очерки С.Ф. Ольденбурга. В него включены также эпистолярные архивные материалы, не публиковавшиеся ранее, и официальные документы — экспертные справки («записки»), в которых С.Ф. Ольденбург по долгу службы характеризовал научную деятельность своих коллег — представителей классического востоковедения. Сборник снабжен комментариями составителя, аккумулирующими значительную историко-научную и библиографическую информацию.

В предисловии к книге А.А. Вигасин воссоздал образ С.Ф. Ольденбурга на историческом фоне российской науки досоветского и раннесоветского периодов. Этот вводный раздел сборника представляет собой сравнительно лаконично изложенное, но чрезвычайно содержательное исследование, подробно документированное в ссылочном аппарате.

Эссеистические произведения С.Ф. Ольденбурга размещены в сборнике соответственно хронологии их первичного опубликования. Такой порядок нарушается лишь в тех редких случаях, когда составитель счел целесообразным архитектурно сближить публикации разных лет. Сборник открывается двумя мемориальными очерками о И.П. Минаеве (1840–1890), учителе С.Ф. Ольденбурга. Первый из них был подготовлен в год кончины И.П. Минаева в форме вводной лекции к курсу санскритской литературы, который читался С.Ф. Ольденбургом на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, и опубликован в том же году в периодическом издании отделения этнографии Русского географического общества «Живая старина». Задаваясь целью охарактеризовать И.П. Минаева как исследователя Индии, С.Ф. Ольденбург уделил пре-

имущественное внимание буддологическому аспекту его исследований. Он отметил, что И.П. Минаев заинтересовался санскритом, пройдя университетскую подготовку под руководством акад. В.П. Васильева (1818–1900), изучавшего буддизм по китайским и тибетским источникам. Для С.Ф. Ольденбурга в тот период была особенно важна мысль И.П. Минаева о генетической связи буддийских традиций, утвердившихся в Непале, Тибете, Монголии и Китае, с санскритским письменным наследием буддизма древней и раннесредневековой Индии. Эта так называемая северная ветвь в истории буддизма вызвала у С.Ф. Ольденбурга особый интерес, хотя в зарубежной науке того времени предпочтение отдавалось памятникам южной традиции на языке пали. Но С.Ф. Ольденбург отчетливо понимал, что буддизм превратился в мировую религию именно в процессе своего распространения в Центральную Азию и на Дальний Восток. И этот историко-культурный процесс все более занимал его мысли.

Такой новаторский интерес нарастал у молодого ученого в первой половине 1890-х годов, когда в Азиатский музей РАН начали поступать известия о новонайденных в Центральной Азии фрагментах памятников индийской письменности. Одновременно его остро интересовал вопрос разработки теоретического подхода к изучению истории религии как формы духовной деятельности человеческого социума. Разбирая неопубликованное научное наследие И.П. Минаева, С.Ф. Ольденбург обнаружил в его записях размышления о данной проблеме. Его следующий посвященный памяти учителя очерк, опубликованный в 1896 г., содержит обширный отрывок из методологического введения к небольшому лекционному курсу о религиях Индии, прочитанному Минаевым на Восточном факультете незадолго до ухода из жизни.

Теоретические идеи, сформулированные в этом отрывке, послужили в дальнейшем для С.Ф. Ольденбурга и другого выдающегося ученика И.П. Минаева — акад. Ф.И. Щербатского (1866–1942) как основоположников отечественной буддологической школы базой разработки системно-исторического подхода к изучению буддизма. Прологом к созданию школы явилась плодотворнейшая организационная инициатива С.Ф. Ольденбурга — учреждение научно-издательской серии РАН «Bibliotheca Buddhica». Основанная в 1897 г.,

она была предназначена для публикации текстов письменных памятников северного буддизма, их переводов на европейские языки и исследований, для объединения усилий отечественных и зарубежных ученых в освоении этого нового объекта изучения.

Важные сведения о зарождении буддологических интересов молодого С.Ф. Ольденбурга обнаруживаются в его переписке с И.П. Минаевым, опубликованной в «Этюдах о людях науки». Так, письма, датированные 1890 г., показывают, что в то время С.Ф. Ольденбург с увлечением обследовал номенклатуру индийских произведений, включенных в переводе с санскрита на тибетский язык в состав корпуса буддийских текстов, канонизированных в Тибете. Он высказывал учителю справедливые опасения, что намеченные прежде источники его магистерского исследования — буддийские легенды, сказания и сказки не приведут к плодотворным результатам, и отчетливо осознавал необходимость «самостоятельно войти в буддизм». Ему хотелось предпринять гораздо более серьезную работу, связанную с введением в научный оборот важных буддийских источников махаянского направления, очень слабо известного в науке того периода, — издать «Гандхавьюха-сутру» или сосредоточиться на переводе и исследовании философского трактата «Мадхьямакавитти» Чандракирти (VII в.). Но И.П. Минаев, заботившийся о скорейшем получении С.Ф. Ольденбургом ученой степени, настаивал на продолжении работы по избранной ранее теме.

Переписка С.Ф. Ольденбурга и И.П. Минаева воссоздает не только контекст их научных и личных взаимоотношений, но и картину той общественной жизни, которой жил Санкт-Петербургский университет во второй половине 1880-х годов. Ее публикация — отдельная научная заслуга А.А. Вигасина. Он кропотливо отыскал эти эпистолярные материалы, автографы которых хранятся в различных архивах, и досконально прокомментировал их. Едва ли кто-то другой, кроме составителя «Этюд о людях науки», справился бы столь блистательно с введением в научный оборот этих ценных архивных источников.

Эссе С.Ф. Ольденбурга о востоковедах-буддологах — В.П. Васильеве, Р. Пишеле, О.О. Розенберге, Г. Ольденберге очерчивают панораму становления буддологического источни-

коведения в 1890–1910 гг. в России и Западной Европе. В двух мемориальных публикациях, посвященных акад. В.П. Васильеву, С.Ф. Ольденбург уделил основное внимание его буддологическим трудам, так и не вышедшим в свет, — полному обзору китайских источников, терминологическому словарю, переводу записей буддийского ученого Сюань-цзана (VII в.) о путешествии в Индию. Если бы эти объемные и чрезвычайно содержательные труды были бы своевременно подготовлены к печати, утверждал С.Ф. Ольденбург, мировая буддология уже во второй половине XIX в. смогла бы выйти на новые рубежи и объект ее исследований не ограничивался бы лишь изучением палийских источников. В комментарии к очерку 1918 г. «Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму» С.Ф. Ольденбург подчеркивает линию преемственности идей от В.П. Васильева через И.П. Минаева к Ф.И. Щербатскому и его ученику О.О. Розенбергу (1888–1919) и характеризует то преобразование объекта буддологического источниковедения, которое осуществилось благодаря деятельности этих российских ученых.

Эта тема размышлений С.Ф. Ольденбурга рельефно высветляется и в официальном документе — «Записке об ученых трудах Федора Ипполитовича Щербатского», на основании которой Ф.И. Щербатской был избран в 1918 г. академиком РАН «по литературе и истории азиатских народов».

Очерки, посвященные отечественным и зарубежным ученым-санскритологам — К.А. Косовичу, О.Н. Беглингу, В.Ф. Миллеру, О. Барту, Г. Керну, позволяют проследить не только пути развития санскритологии и ее связи с индианистикой, но и отличия от последней. При сопоставлении этих публикаций С.Ф. Ольденбурга с его мемориальными эссе о И.П. Минаеве становится вполне очевидным тот важный для истории российского классического востоковедения факт, что именно И.П. Минаев явился основоположником отечественной индианистической школы.

Проблематика науки о Востоке, связи российских ученых с их зарубежными коллегами, особенности исследовательского опыта востоковедов — старших современников, сверстников и младших коллег С.Ф. Ольденбурга запечатлелись в историко-научных портретах К.Г. Залемана, А.О. Ивановского, В.А. Жуковского, В.В. Радлова, Э. Шаванна, В.В. Бар-

тольда, Б.Я. Владимирцова, в экспертных справках о трудах В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского. Большой интерес в этом отношении вызывают и письма С.Ф. Ольденбурга к К.Г. Залямину, впервые опубликованные в «Этюдах о людях науки».

Область археологических устремлений С.Ф. Ольденбурга, связанных с изучением новонайденных палеографических памятников — рукописей и эпиграфики, отчетливо просматривается в посвященном Н.Ф. Петровскому мемориальном эссе и в адресованных ему письмах, а также в письмах Д.А. Клеменца, включенных в состав сборника. Н.Ф. Петровский, русский консул в Кашгаре, и Д.А. Клеменц, крупный исследователь Центральной Азии, были теснейшим образом причастны к процессу открытия в этом историко-культурном регионе археологических реликтов буддийской цивилизации I тыс. н.э. и пополнения коллекций Азиатского музея РАН происходящими оттуда рукописями. Центральная Азия и в особенности район, условно именованный тогда Восточным, или Китайским, Туркестаном, остро интересовали С.Ф. Ольденбурга в данном аспекте. Он на международном уровне планировал экспедиционные обследования этой территории, но начало его собственной экспедиционной работы тормозилось вплоть до 1908 г. ввиду задержки финансирования.

В письмах Д.А. Клеменца к С.Ф. Ольденбургу сообщается, в частности, о том, что германские коллеги-археологи в нарушение прежних международных договоренностей не оставляют поля деятельности для российских исследователей. Особенную активность в этом направлении проявляла экспедиция во главе с А. Лекокком, и это чрезвычайно настораживало Д.А. Клеменца. Впоследствии, когда С.Ф. Ольденбург в ходе своей первой и второй туркестанских экспедиций узрел те разрушения памятников культуры, которые были произведены этим германским ученым с целью вывоза в Европу художественных ценностей буддийского Востока, он сформулировал новый — культуросберегающий — принцип археологической работы. С.Ф. Ольденбург призвал исследователей воздерживаться от деструкции изучаемых памятников и вывозить лишь те их фрагменты, которые явились следствием исторического разрушения и могут быть окончательно утрачены для науки. Российский академик предлагал активно ис-

пользовать технические средства отображения археологических артефактов, фиксирующие всю полноту их синхронного состояния. Именно таким образом действовала возглавляемая С.Ф. Ольденбургом Вторая Русская Туркестанская экспедиция, доставившая в Россию ценнейшие научные материалы, связанные с обследованием буддийского монастырского комплекса в Дуньхуане.

Российский академик предложил новую для того времени форму ознакомления научной общественности с ценностями художественной культуры буддийского Востока — издание альбомов, снабженных вводным исследованием. Им самим были подготовлены два таких альбома, посвященных буддийской иконографии.

С.Ф. Ольденбург пристально следил за процессом зарождения науки о Востоке в Индии, Непале и Японии. Он считал европоцентризм в корне ошибочной позицией и обоснованно полагал, что развитие классического востоковедения пойдет путем равноправного сотрудничества западных, российских и азиатских ученых. В данном аспекте показательна та характеристика отношения Д.А. Клеменца к народам Азии, которую дает С.Ф. Ольденбург в мемориальной миниатюре «Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы»: «Для Клеменца эти массы, которые кажутся часто дикими и неподвижными, полны скрытых сил и таинственных возможностей. Он напоминает нам, что еще вчера наши западные соседи смотрели на нас также как на дикарей, а сегодня им приходится работать с нами рука об руку, как с равными» (с. 218). Мысль о грядущем научном партнерстве Запада и Востока акцентируется С.Ф. Ольденбургом и в юбилейной речи, посвященной 80-летию Г.Н. Потанина, одного из великих русских путешественников (с. 247).

В персонологической эссеистике С.Ф. Ольденбурга красной нитью проводится тема нравственного обоснования исследовательской и научно-организационной деятельности ученого. Именно под таким углом зрения характеризуются в его очерках представители иных, невостоковедных, областей знания — исследователи древнегреческого письменного наследия П.В. Никитин, ученый-историк А.С. Лаппо-Данилевский, филолог А.А. Шахматов, вице-президент Академии математик В.А. Стеклов, биолог Бэр.

Гуманистические черты мировоззрения самого С.Ф. Ольденбурга рельефно запечатлелись в трех его статьях, включенных в сборник, — «Ренан как поборник свободы мысли» (1902), «Барон Врангель и истинный национализм» (1916), «Андрей Иванович Шингарев» (1918), а также в мемуарном очерке «Толстой — учитель жизни» (1920).

А.А. Вигасин, говоря в предисловии к «Этюдам о людях науки» о посвященной Э. Ренану статье, отметил, что С.Ф. Ольденбурга «мало интересовало результаты специальной научной деятельности ученого в области семитологии. Ему важно на примере Ренана подчеркнуть необходимость свободомыслия и пагубность нетерпимости» (с. 22). И действительно, статья была написана именно в те годы, когда в российском обществе остро дискутировался вопрос о свободе совести. Но в целом интерес С.Ф. Ольденбурга к Ренану не исчерпывался злободневностью данной проблемы. Э. Ренан как ученый-филолог выступал против привнесения европоцентристских ценностных суждений в область науки, в частности, против абсолютизации культурного приоритета античного Средиземноморья. В филологии он видел науку об исторических путях развития человеческого духа, выражающего себя в этнокультурном многообразии языков и текстов. На той же идейной позиции стоял и С.Ф. Ольденбург. Для них обоих древние языки и тексты служили уникальным инструментом проникновения в ментальность народов — творцов всемирной истории культуры. И в этом отношении оба они придавали сугубо методологический смысл тезису основоположника французской буддологии, ученого-санскритолога Э. Бюрнуфа: «В языке индийцев мы будем изучать Индию с ее философией и ее мифами, с ее литературой и ее законами». Хочется подчеркнуть, что многоаспектный интерес С.Ф. Ольденбурга к Э. Ренану еще не получил должного освещения в работах по истории востоковедения и безусловно заслуживает пристального изучения.

Научные взгляды С.Ф. Ольденбурга обуславливали его общественную позицию. Он отвергал не только европоцентризм, но и любые проявления националистического чванства, в особенности шовинизм, охвативший в годы Первой мировой войны умонастроения немалой части российской интеллигенции. В статье, написанной им в память о погибшем на той войне Н.Н. Врангеле, активном

сотруднике отделения этнографии Русского географического общества, ученый противопоставил шовинизму истинный национализм — служение отечественной культуре.

Неприятием бессмысленного насилия, неизбежного на революционных переломах политической истории, проникнута статья С.Ф. Ольденбурга «Андрей Иванович Шингарев». Она явилась откликом на трагическую гибель этого видного кадетского деятеля, коллеги С.Ф. Ольденбурга по членству во Временном правительстве, — А.И. Шингарев был убит матросами-анархистами в январе 1918 г. Ученого потрясла абсурдная парадоксальность злодеяния, сотворенного людьми из народа, которому А.И. Шингарев как земский врач преданно служил с молодых лет.

Но даже в годы братоубийственной национальной катастрофы С.Ф. Ольденбург не утратил веру в духовно-нравственный потенциал русской культуры. Об этом свидетельствует его мемуарный очерк «Толстой — учитель жизни», опубликованный в разгар Гражданской войны.

Сборник «Этюды о людях науки» заканчивается автобиографическим эссе «Мысли о научном творчестве», вышедшем в свет за год до кончины ученого. В данном произведении эксплицированы внутренняя логика и взаимосвязь различных аспектов деятельности С.Ф. Ольденбурга — исследователя буддийских письменных памятников, археолога, организатора науки.

Завершая рецензирование этого превосходного составленного сборника, необходимо все же отметить один довольно странный пассаж в предисловии к нему, посвященный характеристике личного вклада С.Ф. Ольденбурга в науку (с. 19–21). А.А. Вигасин приводит слова, сказанные ученым в годы студенчества: «У меня нет большого таланта, есть лишь научное остроумие», — и многозначительно добавляет собственное суждение: «Эта строгая самооценка, очевидно, соответствует действительности». Далее следует перечисление того, что российский академик не успел опубликовать по итогам своих центральноазиатских экспедиций. По сути дела, научный вклад С.Ф. Ольденбурга оказывается сведенным к «мелким заметкам, зачастую публицистического характера» и брошюре, «защищенной в качестве диссертации» (с. 20). Читателю остается лишь недоумевать — за какие заслуги С.Ф. Ольденбург был избран

академиком РАН? Впрочем, несуразные рассуждения о мнимой мизерности личного вклада С.Ф. Ольденбурга в науку о Востоке, свидетельствующие о непонимании путей ее развития, встречаются, к сожалению, в целом ряде науковедческих публикаций двух по-

следних десятилетий. Учитывая это, приходится порадоваться, что в содержательном и прекрасно написанном предисловии к «Этюдам о людях науки» им уделено совсем немного места.

Е.П. Островская